

В то далекое счастье

В июле 2006-го года сбылась моя многолетняя эмигрантская мечта о посещении Одессы. Обстоятельства сложились так, что мой приезд ограничивался только десятью днями. Затем нужно было возвращаться поездом в Москву и оттуда через три дня лететь обратно в Израиль. Все предупреждения об огромном разочаровании, о "совсем не той Одессе" в моем случае оказались неоправданными. Я была счастлива повидаться с друзьями, увидеть любимые улицы, памятники и бульвары, с наслаждением вдохнуть черноморский воздух и погрузиться в ласковое, такое родное море. Дел и желанных встреч предстояло очень много, приходилось носиться с утра и до поздней ночи. Пришло время, когда, наконец-то, на самом деле сбывались мои сны-мечты! Мы встречались с одноклассниками, отмечая сорокалетний юбилей школьного выпуска. Это было необыкновенно трогательно — собрались бабушки и дедушки, воспринимающие друг друга как девочек и мальчиков, дети и внуки которых живут на всех континентах. Просто сказка о сохраненном времени! На самом деле сохранить прекрасный внешний облик почти неизменным удалось только одной Неле — моей татарской подруге юности, в доме которой мы собирались. Последние три школьных года мы сидели за одной партой, обе были хроническими отличницами и с упоением играли в сборной команде КВН. Когда соученики разошлись после бурного веселья, мы с Нелей вспоминали замечательные казенки — репетиции КВНовских домашних заданий и наши трогательные невинные юношеские романы. Она показала мне фотографии своих детей и внуков, живущих в Чикаго, к которым летает каждое лето. После безвременной кончины мужа Неля героически возглавляет небольшой бизнес по оптовому распространению газет и журналов.

Мои коллеги по работе тоже собрались, накрыв традиционно щедрый стол, и вспоминали о почти трех десятках лет, проведенных в давно ушедшем в историю вычислительном центре. И радость встреч, и грусть о невозвратных годах — все нахлынуло на нас. Были у меня и кладбищенские дела, и визиты к друзьям, прогулки с подругами по заповедным одесским местечкам с посещением любимых ресторанчиков. Довелось встретиться со старыми врачами, ревниво расспрашивающими о том, как справляется израильская медицина с моим непростым организмом. В общем, время летело, а список дел и встреч не заканчивался. Я жила у еще одной любимой та-

тарской подружки Халиды возле Таировского рынка, и в один из последних дней, возвращаясь домой, решила купить свежей рыбы. Это была одна из заветных "мечт" — вспомнить вкус одесских морских бычков! Надежды на исполнение этой дерзкой мечты у меня почти не имелось. В научно-популярной передаче "Атланты. В поисках истины", которую вел обожаемый мной Александр Городницкий, объяснялась причина исчезновения рыбы из Черного моря. Как оказалось, в балластных водах, задержавшихся в трюмах судов, следующих из дальневосточных морей, была завезена некая активная фауна, которая вовсе не страдает отсутствием аппетита и страсти к размножению. В течение нескольких лет эти медузоподобные мелкие твари безумно расплодились и сожрали весь черноморский планктон, что и послужило причиной гибели уникальной рыбы от бескормицы. Но все же ученые-океанологи обещали в ближайшее время заселить бассейн Черного моря другими, более крупными морскими организмами, в свою очередь, питающимися расплодившимися тварями, но совершенно равнодушными к дефицитному планктону. И тогда, возможно, рыба появится снова.

Вспомнив всю эту предысторию, я брела по рыбному ряду, выискивая хотя бы какой-то приемлемый вариант речной и прудовой рыбы. И вдруг увидела на прилавке натюрморт, не поддающийся словесному описанию, — две небольшие очаровательные камбалы и связка некрупных блестящих темных морских бычков! Первым моим желанием было просто расцеловать всю эту свежую прелесть. Я вдыхала вождеденный аромат и не могла вдоволь наглядеться на изысканные рыбки формы. Но пора была переходить от эмоций к делу. За прилавком стояли два совершенно спитых старичка-рыбачка. Чтобы начать задушевный разговор, я выбрала не самую удачную фразу для установки начальной цены: "Боже мой, камбала вернулась!". Последовала пауза, и затем довольно загадочный ответ рыбака, стоящего слева: "И камбала тоже вернулась...". Цены, которые назвал мне правый старичок, он сам выговаривал со стыдом, но чувствовалось, что будет бороться с остатками совести до конца. Таких денег у меня с собой просто не имелось — даже только на связку бычков. Нужно было бежать домой за долларами, затем в обменный пункт. За это время, естественно, вождеденная рыба уже уплывет. Аналогичных натюрмортов вокруг не наблюдалось. Это было жестоко. Я вынула фотоаппарат и попросила разрешения у старичков сделать снимок их счастливого улова — на память и для предъявления друзьям. Возражений не последовало. И вдруг в момент нажатия фотокнопки левый рыбачок произнес:

Судьба, как ракета, летит по параболе.

Обычно во мраке, а реже — по радуге.

Если бы одна из камбал вдруг стала человеческим голосом лично выражать мне сожаление по поводу недостаточной платежеспособности, наверное, моя реакция на это была бы такой же. Дедушка цитировал "Параболическую балладу" Андрея Вознесенского, которую я когда-то читала со сцены на смотрах художественной самодеятельности в седьмом классе. Затем он сложил подрагивающими руками всю сказочную рыбу в черный пакет, вручил мне его и ушел. Я поняла, что он знал меня в прошлой школьной жизни, но был совершенно незнаком или неузнаваем. Выложив из своего кошелька все имеющиеся там деньги на прилавок перед его вдруг примолкшим товарищем, я поблагодарила и направилась домой, бесполезно напрягая память. Халида осталась очень довольна моим уловом и велела всегда возвращаться домой через рыбный ряд. Когда мы жарили камбалу и бычки, на меня нахлынули воспоминания такой давности, что невозможно даже представить, что это вообще где-то еще хранилось в переполненной головушке. И главное, что всплывали не только события тех далеких лет, но и те чувства, которые тогда бушевали в юной неопытной душе. Думаю, что все эти бурные процессы воспоминаний спровоцировал сладостный запах и вкус жареной рыбы. Иначе невозможно объяснить тот факт, что этой ночью моей бедной подруге не суждено было уснуть. Ей пришлось стать единственной зрительницей концерта художественной самодеятельности образца 1961-65-го годов, которая вдруг поперла из меня с неукротимым напором. В некоторых номерах Халидка тоже принимала участие. Пели хором в два голоса, декламировали стихи с правильной отчетливой советской интонацией. Самое удивительное, что все слова были на своих законных местах в головах, а не пропадали в черных дырах, уже ставших привычными в последние годы. Построение гимнастических пирамид, к сожалению, оказалось затруднительным, равно как и выполнение акробатических этюдов, в которых я в детстве непременно принимала участие. Но самым неукротимым действием оказались народные танцы. Как можно было забыть о них, о том многолетнем состоянии восторга, который они дарили?! Я начала с индийского танца, разучивая который, мы с подругой Люсей в шестом классе чуть не свернули свои буйные головы, пытаясь научиться двигать шеей, как это делали настоящие индийские танцовщицы. Шеи двигаются, кстати, до сих пор, несмотря на возрастные ограничения. Для правильного танцевального костюма наматывали сари из обычных белых простыней, сверкающих нашитыми разноцветными блестками, купленными в специальном магазине "Театральный". Самой большой проблемой были украшения — браслеты, клипсы и кольца, которых, честно говоря, не было совсем. А без них никакие индийские движения не воспринимаются

зрителями должным образом. Соседи, обожавшие индийские фильмы, собирали драгоценности для этого святого дела. Нас было четыре девочки, танцующих босиком, в простынях, блестках, прокатной бижутерии, с обильным макияжем и с нарисованными сердечками между бровями. И один также босой "индус" Игорь, которому все мы сверхстарательно строили безумные глазки чисто по-индийски. Не он ли был сегодняшним сентиментальным рыбаком? Тогда мне казалось, что его черные глаза блестели еще ярче, когда останавливались на мне. Однажды Игорь провожал нас с Люсей домой после очередного концерта, прошедшего с бешеным успехом, и оставил в трамвае чемоданчик с костюмами и соседскими драгоценностями. К великому счастью, забытый чемоданчик передал водителю. А он, увидев простыни с нашитыми дешевыми блестками, не смог найти им достойного применения и сдал в бюро находок в депо. Только тогда я узнала, что тоненькое колечко с синим камушком, пожертвованное моей соседкой, было золотым, а камень — драгоценным сапфиром. Кольцо пришлось немедленно вернуть владелице. А глаза Игоря стали похожи на виновато-собачьи. Мы не встречались лет этак сорок пять! Нет, кажется, у рыбака глаза выцветшие синие.

Дальше материализовался воинственный кубинский танец, исполнявшийся когда-то в брючных костюмах цвета хаки. Вспомнила все движения, и ноги до сих пор не забыли ту далекую "кубинскую" чечетку. Товарищей по оружию с острова Свободы было много, всех не упомнишь. Дальнейший процесс танцевальной ностальгии властно подхватил и диктовал свое. Приняв ударную дозу таблеток от давления, я демонстрировала подруге пленительные движения чардаша Монти, темповые молдавский и румынский танцы, украинский гопак и русскую кадрили, польский краковяк и очаровательную мазурку. Какое это было наслаждение — чувствовать, как твое когда-то тренированное тело повинует музыкально-танцевальной гармонии! Мы с Люсей несколько лет солировали в ансамбле Дворца железнодорожников, а позднее я танцевала в студенческом ансамбле Одесского университета. Пытаясь вспомнить своих партнеров, я примеряла их на роль сегодняшнего рыбака, но ничего не прояснялось. Зато из забвения выплыли такие яркие эпизоды, которые немного позднее очень пригодились.

В 1961-м году в нашей школе вел танцевальный кружок солист балета Одесского оперного театра Павел Фомин. На первое занятие в актовом зале собралось много желающих принять участие в народных танцах. Первым испытанием была та самая незабываемая кубинская чечетка, которую Павлик показал под аккомпанемент фортепиано. Народ застучал каблукками, стараясь повторить движения, казавшиеся замысловатыми и неуло-

вимыми. Школа затряслась и загромыхала, как кубинская революция. Павлик работал ногами вместе с нами, а его жена ходила по рядам, стараясь обнаружить хотя бы что-либо похожее. Когда она подошла к нам с Люсей, ее напряженное лицо просветлело. Мы были немедленно выведены на сцену со словами: "Вот, наконец, совершенно правильные движения! Теперь вы тоже будете учить и отбирать остальных кубинцев". Мы были в полном восторге от успеха и доверия. Этот эпизод фактически стал определяющим в нашей танцевальной карьере.

В 1964-м году к нам в дворцовый ансамбль пришел знаменитый танцовщик из театра оперетты Игорь Дидурко. Редкостный образчик мужского обаяния и высочайшей профессиональной требовательности, он буквально выжимал из нас все соки. На его репетициях я, тогда новенькая во взрослом ансамбле, чуть не теряла сознание от старания идеально выполнять его требования, и он это заметил. При разучивании мазурки — блестящей, воздушной, с темповым вальсированием и прыжками на колени партнера — он вдруг стал показывать новые па со мной, а не с более опытной танцовщицей. Трудно передать ощущение восторга, которое довелось мне испытать тогда! Наверное, нечто подобное чувствовала Наташа Ростова на первом балу. Я представляла себя необыкновенно легкой в его руках и летящей, как во сне. Темпераментная грациозная мазурка с таким потрясающим партнером завершилась аплодисментами всего ансамбля, плененного красотой танца. Моя душа парила на небывалой высоте!

Последние годы я работаю в семьях с маленькими израильскими детьми и наблюдаю, как их старшие братья и сестры часами играют в компьютерные игры или лежат перед глупейшим телевизором. И невольно вспоминаю нас в этом возрасте, к счастью, лишенных возможностей такого жизнеубиения. На тренировки по спортивной гимнастике мы с Люсей ездили через весь город в спортзал "Локомотив" ранним утром без завтрака. Возвращаясь после интенсивной нагрузки, покупали по одному горячему бублику за пять копеек и медленно-медленно смаковали их по дороге домой в трамвае. Ничего не было тогда вкуснее этих ароматных свежих бубликов! Дальше следовало приготовить уроки, пообедать и бежать в школу на вторую смену. А после занятий — на репетиции танцев. И так каждый день, иначе жизнь казалась пустой и бессмысленной. И таких детей было очень много. Перед родителями не стояли проблемы нашей незанятости или плохого аппетита. Никто не воспринимал это как ежедневный подвиг — обычные, нормальные будни. Но я уверена, что если бы не эта детская закалка, невозможно было бы перенести все то, что пришлось позднее. Все понятно —

другие времена, другая жизнь. Но иногда мне кажется, что цивилизация и технический прогресс взимают непомерную плату с человечества.

Я возвращалась в Израиль из Домодедово в конце июля 2006-го года, в разгаре Второй ливанской войны. Рейс задерживался, среди пассажиров разгоралась паника. Некоторые израильтяне, живущие на Севере, вообще не знали, остались ли их дома целыми, есть ли им вообще куда возвращаться. Московские подруги уговаривали меня отложить отъезд и пожить в столице, пока Ближний Восток не угомонится. Но душа рвалась домой, предчувствуя наступление очередной черной полосы — ухудшения депрессии у дочери. Я всегда заранее ощущаю эту надвигающуюся беду и стараюсь собрать все душевные силы, чтобы дочь могла подпитываться моей энергией. Эти ужасные состояния необъяснимого страха и бессмысленности существования начались у нее с десяти лет, до этого она была умнейшим прелестным ребенком. Мое сочувствие, сопереживание и поддержка в периоды обострений необходимы ей, как воздух. Конечно же, подключаем лекарства, но они негативно влияют на память и сосредоточенность. Атаки болезни длятся от месяца до полугода, в течение которых я держусь, как стоик. Но когда ей становится легче, меня настигает такая слабость и опустошенность, что требуется каждый раз прилагать колоссальные усилия для вхождения в нормальную жизнь.

После окончания ливанской войны 2006-го года многие израильтяне чувствовали себя психически травмированными — людям приходилось долгое время жить под страхом обстрелов, спускаться по ночам с детьми в бомбоубежища под вой сирен. Некоторые остались без жилья, без бизнеса, без доходов. Государство постепенно восполняло материальные потери. Для психологической помощи подключали горячие телефонные линии, по радио и телевидению выступали врачи-психологи, разъясняли, советовали, учили. Однажды мы с мужем услышали по ТВ советы знаменитого израильского психиатра. Он рекомендовал для выхода из депрессии упражнение, которое назвал "Погружение в далекое счастье". Необходимо было хорошо сосредоточиться и постараться вспомнить обязательно в хронологическом порядке все эпизоды своей жизни, в которых тобой ощущалось что-либо необычайно прекрасное. Причем это могли быть любые детские увлечения, приносившие тебе огромную радость, — танцы и спортивные победы, а также любимая работа и интересные путешествия, любовные эпизоды и театральные спектакли, общение с детьми и близкими друзьями, сочинение стихов и прозы. Главное условие — отчетливо визуализировать и воссоздать в подробностях, как это происходило, что ты ощу-

шал, вплоть до тональности звуков и оттенков запахов. Твоя задача — максимально войти в ту прежнюю обстановку и снова явственно почувствовать уже когда-то пережитое счастье. Доктор объяснил, что эффект от регулярно повторяемых подобных упражнений не только уводит от депрессии, но вызывает выбросы омолаживающих гормонов, повышает положительную энергетику, улучшает память и внешний вид человека.

И я решила попробовать, тем более что совсем недавно в Одессе уже занималась этим, вспоминая свои танцевальные подвиги. И вот после нескольких дней усердных занятий я вдруг совершенно неожиданно вспомнила одесского старичка-рыбачка и с легкостью вычислила его. С Сашей мы не только жили поблизости и учились в параллельных классах, но позднее подружился с его женой в тот период, когда вынашивали наших детей. Вера родила на две недели раньше меня и дала незабываемый инструктаж, который очень мне пригодился. Перед первыми родами каждой женщине приходится выслушивать много разнообразных советов, но в глубине души все равно шевелится холодок страха и недоверия чужому, часто далекому опыту. Но свеженькая родная подруга-первородка говорит с тобой на достоверном языке только что пережитых ощущений. Она предупредила меня о том, что как бы ни казалось тяжело в процессе родов выдерживать то, что приходится, после благополучного исхода все забывается в считанные минуты. Но главный сюрприз, пообещала Вера, ожидает тебя сразу же после рождения ребенка. Меня ожидало даже два сюрприза. Во-первых, родилась очаровательная девочка, хотя всю беременность по всем приметам и прогнозам речь шла только о мальчике. И это было замечательно! Во-вторых, такого ощущения полного блаженства и ни с чем несравнимого счастья я не испытывала никогда. Гораздо позже в журнале "Мама" мне попалась статья, в которой объяснялось, что выброс огромного количества гормонов после родов способствует потрясающим ощущениям у большинства рожениц, вероятно усиливает естественную радость этого важнейшего события в жизни. Позднее мы с Верой бурно обсуждали наши переживания, проблемы грудного кормления и ухода за крошечными дочками в первые месяцы. Она часто подкармливала мою Ирочку своим молоком, которого у нее было в избытке, чего нельзя было сказать обо мне. Мы жили в схожих нелегких условиях в квартирах своих свекровей по соседству, и нужно сказать, что "их матери" совсем не облегчали нам этот многотрудный период. Обе мамы обладали суровыми характерами и очень влияли на своих единственных возлюбленных сыновей, на наш взгляд, совсем не в лучшую сторону. Я пыталась оправдать депрессивный характер своей свекрови тяжелой-

шей историей ее жизни. Во время войны ей пришлось прожить несколько месяцев в гетто вместе с родителями и братьями. Она чудом выжила — единственная из многих, скрывалась в жутких условиях, и это не могло не отразиться на ее психике. Как выяснилось позднее, это чувство подавляющего страха через много лет проявилось у ее внучки, моей дочери. Фашизм догнал ее к десяти годам, как выразился опытный израильский психиатр.

А тогда, в 70-е годы, обстановка в обоих наших домах постепенно накалялась. Вера была настроена по отношению к своей свекрови более воинственно, требовала от Саши активного участия в бытовых нагрузках, а он уже тогда любил выпить с друзьями. Иногда в подвыпившем состоянии Саша вспоминал наши школьные концерты, просил меня почитать стихи, и особенно любил "Параболическую балладу". Он был мечтательным, инфантильным и верил во внезапные взлеты удачи. Но ни мечты, ни поэзия не помогали — жизнь не налаживалась. Вера первая не выдержала — и ушла с ребенком к своим родителям. Я продержалась дольше, но вскоре тоже вынуждена была совершить аналогичный шаг — вернулась к своим инвалидам, маме и брату. Наши двадцатилетние мужья не проявили особого героизма в борьбе за свои семьи и, поддерживаемые любящими мамочками, продолжали жизненный путь уже без нас. Я вынуждена была отдать дочку в ясли, работала программистом и училась в университете на вечернем отделении мехмата. Вера теперь жила далеко, мы почти не виделись, но я знала, что ее дальнейшая жизнь сложилась хорошо. Она окончила медицинский институт, вышла замуж и уехала в Канаду. Сашу я с тех пор почти не встречала. От общих знакомых как-то давно просочилась информация о том, что он защитил диссертацию и много лет возглавлял закрытое КБ, выполнявшее заказы для оборонной промышленности. Понятно, что последующее вычеркивание из рухнувшей профессии и привело его к неузнаваемому рыбацкому состоянию. Но все же любимые стихи продолжают звучать в его памяти. И спасибо ему за это.

Все это я вспомнила в один момент во время упражнений по мысленному путешествию по прожитым годам. Вот уж действительно, парабола судьбы с отрицательным коэффициентом — перевернутая и убывающая после высшей точки взлета вниз до бесконечности:

Прости мне дурацкую эту параболу.
Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
Несутся искусство, любовь и история
По параболической траектории!

Бат Ям